

Каковы историческая судьба и будущее русского народа, который сохранился на грани выживания в невиданно суровых природно-климатических и геополитических условиях, при этом освоил безбрежные просторы, построил огромное многонациональное государство, создал высокую цивилизацию и великую культуру? Беспрецедентные исторические деяния говорят об уникальном национальном характере и о великой миссии русского народа. Русская история, культура и цивилизация – **уникальное явление национального духа**, преодолевающего и преобразующего сопротивление мировой материи. Культурные и исторические достижения русского духа достаточно известны. Необходимо рассмотреть коллизии в русской истории, приведшие к катастрофе XX века, а также ответный творческий национальный акт, побеждающий агрессию и распад, открывающий новые исторические перспективы народу и государству. Всё это актуально и поныне, ибо многие явления современности укоренены в далёком прошлом. Без осознания прошлого нация не имеет будущего.

«История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего».

Н. М. Карамзин

«Нам знакомо одно лишь насущное видимо-текущее, да и то понаглядке, а концы и начала – это всё ещё пока для человека фантастическое».

Ф. М. Достоевский

«Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его силу, и его дар, и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знание грядущего».

И. А. Ильин

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
БОГ И ОТЕЧЕСТВО – ФОРМУЛА РУССКОЙ ИДЕИ	22
- Национальные идеалы	22
- Миссия мессианских народов	45
РУССКИЙ ХАРАКТЕР	51
- Предварение	51
- Комплексы образованного общества	56
- Экзистенциальная боль русской литературы	60
- Кривое зеркало публицистики	70
- Наследие предков	82
- Воспитание Православием	85
- Русская земля	94
- Русский антиномизм	101
- Николай Бердяев о русской противоречивости	111
- Характер нравственности	115
- Не только достоинства	131
- Русский патриотизм	137
- Аскетическая уравновешенность	143
- О мужском и женском	148
- Русские гении о национальном характере	161
- Итоги	211
СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (X-XVI вв.)	225
- Истоки	225
- Духовное рождение	232
- Причащение новой духовности	239
- Вехи национального духа	251
- Умозрение в красках	263
- Между небом и землёй	272

- Образ русского ума	277
- Русское национальное сознание	280

ПЕРМАНЕНТНАЯ РУСОФОБИЯ292

- Причины западной русофобии	292
- Религиозная разность	300

СУДЬБОНОСНЫЙ СПОР (конец XV – начало XVI века)313

- Веления времени	313
- Нестяжательство	320
- Иосифлянство	326
- Отношение к ересям	331
- Освящение власти	338
- Воспитание человека	345
- Иосифлянский раскол	350

ДУХОВНЫЕ КАТАСТРОФЫ (середина XVI – начало XVIII века)357

- Судороги Грозного – Смута	357
- Церковный раскол	367
- Корни катастроф	374

ВВЕДЕНИЕ

Об уникальности русского национального духа свидетельствуют очевидные и вместе с тем исключительные факты. Никогда не создавалась высокая цивилизация в столь **агрессивной природно-климатической** и **геополитической** среде на огромных пространствах; русский народ самосохранился на грани выживания и создал величайшее многонациональное государство и великую культуру. Поэтому русский характер, русские формы жизни отличаются от западных – органичное там (как хорошее, так и дурное) было неорганичным для России. К трагической истории мы приговорены объективными условиями и обстоятельствами жизни, достижения наши выражают наш национальный гений. Из всех исторических испытаний русский народ выходил окрепшим. Что подвигало народ на беспрецедентные свершения и проявление уникальных качеств?

Русский народ выживал в **суровом климате**. В России самая низкая среднегодовая температура; самая большая разность дневной и ночной, а также летней и зимней температур: годовой перепад в Центральной России достигает 60 градусов, в то время как в Западной Европе – редко 30 градусов. Европа прикрыта от жестоких ветров Арктики горами Скандинавии, её климат смягчается тёплым океанским течением Гольфстрим, благодаря которому зимняя температура выше нуля, в январе–феврале почти не бывает заморозков. В России весна наступает в марте–апреле, холодный северный ветер часто возвращает зимнюю стужу, а заморозки нередки и в начале лета. Западная Европа является единственным тёплым регионом, расположенным близко к Северному полюсу. Нулевая изотерма января – линия средней температуры месяца – проходит по югу Скандинавии, затем спускается по Средней Германии до севера Италии, идёт на Восток по северу Греции, пересекает Крым и Сочи. То есть на севере Европы погода в январе такая же, как на Европейском юге России. В Англии, Западной Франции, Испании, Португалии, Италии – в январе до +10 градусов. Когда в Западной Европе случается раз в двадцать лет кратковременное похолодание до -10 градусов, это приводит к дезорганизации жизни. В то время как в Центральной России таковой является средняя температура января. *«Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: её сравнительно легко вывести из равновесия»* (В. О. Ключевский).

В России «континентальный климат — суровый, сухой, интенсивно подверженный колебаниям. Огромная равнина не защищена ни с севера, ни с востока, и русский норд-ост проносится над всей страной до самого Чёрного моря и Кавказа. Высокие Карпаты отделяют страну от тёплого юго-запада, и мягкое дыхание Гольфстрима слегка ощущается близ Мурманска. И, быть может, на Балтийском побережье... Чем дальше на восток и север, тем чётче падает холодная изотерма января... Однако тело и душу изнуряют не столько сами изотермы, сколько крайности в перепадах температуры, требующие от человеческого организма серьёзной перестройки. Изотерма -10 начинается в России возможность того, что неделями термометр показывает ниже -30... Расположенная в центре страны Московская область знает годы, когда зима устанавливается с началом октября и снег ложится на землю прочным снежным покровом; но бывают годы, когда сильные утренние заморозки уничтожают цветущие сады либо буйная метель пытается наверстать упущенное за зиму в конце мая. В целом климат России сплошь и рядом не балует. Приходится считаться с пяти-шестимесячной снежной зимой, которая вдруг соблазнительно может быть прервана многодневной оттепелью, чтобы затем снова смениться непрерывно бушующей пяти-шестидневной метелью и погребсти под снежными сугробами целые деревни... В конце марта — в разгаре таяние снегов. Следом начинается интенсивное половодье: реки выходят из берегов... дороги становятся непроезжими... За короткой и всегда чуть неустойчивой весной (апрель — май) следует трёхмесячное лето с его континентальным зноем, сильными грозами, часто с опустошительным градом, иногда с разорительной засухой и с каким-нибудь одним-единственным урожаем (сена, зерна, овощей или фруктов). Ранний мороз бывает зачастую уже в конце августа, как посланец близкой осени, которая влечёт за собой в страну в течение двух месяцев (сентябрь, октябрь) по большей части облачное небо, холодные ночи и бесконечные дожди, пока, наконец, мороз и снег не принесут благое избавление усталой и промокшей земле. Русской равнине неизвестны климатические оазисы типа Каринтии в Западной Европе: ветры и бури бушуют повсюду, и вся страна предстаёт как бы жертвой сурового климата, как бы игрушкой капризов погоды. Пять-шесть месяцев в году народ ведёт напряжённые, подчас истощающие все силы сельскохозяйственные работы, вымаливая у небес и погоды хоть одну тёплую недельку для продления вегетативного периода без полной уверенности, что будет обеспечен в долгое осенне-зимнее и зимне-весеннее время: ведь град и засуха всегда знаменуют для него настоящую катастрофу» (И. А. Ильин).

Слой вечной мерзлоты занимает около 50% территории России. С учётом засушливых степей и пустынь юга России и Средней Азии очевидна большая разница в плодородии европейских и российских земель. Только треть российских территорий пригодна для жилья и эффективного использования, но и эти земли холоднее других стран. *«Главная компонента, резко осложняющая и ухудшающая условия для земледелия, – это весенние и осенние заморозки, а также переменчивый характер летнего сезона. Ведь в большинстве районов Нечерноземья практически не бывает “благоприятной” погоды “западноевропейского типа”, ведущей к неперенному урожаю. Лето здесь то холодно-дождливое (и тогда всё плохо растёт), то жаркое и засушливое (что также влечёт за собой неурожай). В более южных районах постоянно присутствует угроза засухи или недостаточной влажности (исключением является Северный Кавказ)»* (Л. В. Милов). В Центральной России в среднем раз в 9–10 лет был неурожай и голод. Только 5% сельскохозяйственных земель России сравнимы по урожайности с землями США. Суровый климат Среднерусской равнины позволял заниматься сельскохозяйственными работами 4–5 месяцев в году, в то время как в Европе – 8–12 месяцев. Короткий рабочий сезон в земледелии и заготовке кормов, а также низкая плодородность большинства русских почв ограничивали развитие земледелия и удорожали его продукцию. Непомерные трудовые затраты сокращали доходность производства.

В России из-за долгой и холодной зимы отопительный сезон на юге длится до шести месяцев в году, на севере – практически круглый год, в то время как в западных странах – 3–4 месяца в году. Холодный климат требует от людей гораздо больших затрат на одежду, питание, строительство, утепление и обогрев жилья и производственных помещений, в то время как в западных странах многое находится под открытым небом. Из-за промерзания грунта в Центральной России фундаменты для домов делаются более двух метров глубиной, в то время как в Англии и Германии дома до трёх этажей строятся без фундамента. Коммуникации в России зарываются глубоко в землю, в Европе – близ поверхности земли. Одноэтажный дом в России весит столько же, сколько трёхэтажный – в Англии, поэтому наше строительство раза в три дороже. Из-за холодных зим и резких перепадов температуры в России быстрее разрушаются дорожные покрытия и строения.

На это обычно возражают, что в Канаде и в Скандинавских странах не менее суровый климат. Но Североамериканский кон-

тинент значительно меньше Евразийского, поэтому там нет территорий с резко континентальным климатом. Более 90% населения и промышленности Канады сосредоточено южнее широты Москвы, а канадский юг находится на широте Сочи. Если средняя годовая температура в Москве +3,8 градусов, в Ленинграде +4,3 градусов, то в Ванкувере +9,8 градусов (как в Вене, Одессе, Софии), в Монреале +6,7 градусов (как в Варшаве). На широте Москвы в Канаде расположены только посёлки добытчиков ископаемых, с вахтовым методом работы.

В Канаде выращиваются соя и кукуруза, произрастающие только на юге России. Территория Северной Европы защищена от северных ветров горами, климат Скандинавских стран делает умеренным тёплое океанское течение Гольфстрим. Среднегодовая температура в России -5,5 градусов, в Финляндии +1,5 градусов. При этом большинство населения Норвегии, Швеции, Финляндии живёт на юге страны, где средняя температура января выше нуля, Русский Север заселён гораздо плотнее.

Русский народ боролся за своё существование в **сложнейших географических условиях**. На территории России плодородные земли разбросаны небольшими анклавами достаточно далеко друг от друга и от торговых путей. Залежи природных ископаемых разбросаны на огромных территориях: месторождения железной руды находятся далеко от каменного угля, который необходим для выплавки металла. Большинство природных ресурсов находится на территориях с холодным климатом, в труднодоступных местах, в нескольких тысячах километров от портов и мировых рынков, в то время как нигде в мире эти расстояния не превышают тысячи километров. В России веками отсутствовал выход к незамерзающим морям – основным мировым торговым путям. Транспортировка сырья через огромные, труднопреодолимые пространства резко увеличивает его стоимость. География страны требовала от народа хозяйственного освоения огромных территорий, связь между которыми и жизнь на которых требовали государственной централизации. У нас для выживания одного и того же количества людей необходимо осваивать несравнимо большие территории, чем в Европе. Поэтому уже при Ярославе Мудром территория Руси была больше всей Западной Европы. При этом дороги и все виды связи на этом пространстве могло обеспечить только сильное государство.

В результате сочетания климатических и географических условий всё, что производилось в России во все века, было наиболее энергоёмким в мире – с наибольшей себестоимостью и наименьшей рентабельностью, ибо одна и та же работа в наших условиях требует больших затрат, чем в других странах. Поэтому большинство видов народного хозяйства в России приговорено быть нерентабельными и экстенсивными. Российскую цивилизацию следует рассматривать «как общество с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта... Даже краткое знакомство с особенностями климатических и почвенных условий Европейской части должно содействовать реальному восприятию того факта, что в исторических судьбах и Древнерусского государства, и Северо-Восточной Руси, и Руси Московской, не говоря уже о Российской империи, наш климат и наши почвы сыграли далеко не позитивную роль. История народов России, населяющих Русскую равнину, – это многовековая борьба за выживание» (Л. В. Милов).

Русский народ изначально существовал в **угрожающих геополитических условиях**. «С первых же веков своего существования русский народ оказался на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине. Ограждающих рубежей не было; был издревле великий “проходной двор”, через который валили “переселяющиеся” народы, – с востока и юго-востока на запад... Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные границы. Надо было или гибнуть под вечными набегами то мелких, то крупных хищных племён, или давать им отпор, замирать равнину оружием и осваивать её. Это длилось веками; и только враги России могут изображать это дело так, будто агрессия шла со стороны самого русского народа, тогда как “бедные” печенеги, половцы, хазары, татары (ордынские, казанские и крымские), черемисы, чуваша, черкесы и кабардинцы – “стонали под гнётом русского империализма” и “боролись за свою свободу”... Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне... История России подобна истории осаждённой крепости. И среди “осаждающих” её народов редко бывал один, обычно два или три, но бывало и пять, девять, а с Наполеоном пришли целых двенадцать» (И. А. Ильин).

Ещё с начала первого тысячелетия нашей эры «главная масса пришельцев шла через просторы нынешней России; то были готы, гунны, мадьяры и, наконец, западные славяне. Так арена русской истории, зажата между Европой и Азией, стала **проходным двором** для

переселения народов, подлинной “ареной” вечных кочевников или тех, кто не успел обрести оседлости... Восточные славяне вынуждены были, таким образом, обустраиваться на проходном дворе предыстории и истории, прямо на пути великого переселения народов, и служить оборонительным форпостом западноевропейской культуры, от которой они ничего не унаследовали, однако и в дальнейшем, в течение веков почти ничего не приобрели. Об этом форпосте Западная Европа очень мало знала, никак его не признавала и ничем не поддерживала. Исторически это была весьма важная, но неблагодарная роль: обороняться без поддержки, рассчитывать только на свои силы, жить на открытой равнине, созидать и в любой момент ждать опасности нового вторжения и нападения. И это в то время, когда в глубинах Азии нарастало новое монголо-татарское скопище и чудовищное брюхо степей не могло ни переварить эти воинственные орды, ни выплюнуть. Так складывались предопределение и судьба восточных славян: быть срединным народом между Европой и Азией, сдерживать натиск азиатских кочевников, переносить крайности, их господство, не утрачивая при этом себя и не изменяя своей идее, вытравливать чужеродное и впитывать его, чтобы спасти, таким образом, себя и европейскую культуру от новых гуннов, чтобы воспрянуть, наконец, ото сна и приняться за ткань новой, своей, скорее византийской, чем с римским налётом, культуры и тем самым создать вдохновенную, по-древнегречески волнующую христианскую восточнославянскую цивилизацию» (И. А. Ильин).

В те века, когда русский народ оборонялся с востока и юга, началась экспансия из Западной Европы. «В результате в России создалась совершенно особая ситуация: расположенная на незащищенной равнине, она была со всех сторон зажата, изолирована и осаждаема — на востоке, юго-востоке, западе и северо-западе, и только в зимнюю спячку нордические народности Приполярья давали русским некоторый передых на севере и северо-востоке... Это было похоже на **“континентальную блокаду”**: кочевники — с востока и юго-востока; татарское ханство в Крыму, позже поощряемое турецким султаном из Константинополя, — с юга; австрийцы и поляки — с запада; Тевтонский орден — с северо-запада; датчане и шведы — с северо-запада. Русская история развивалась так, что для неё не было никакого выбора: или **надо было сражаться**, или **быть уничтоженными**; вести войну или превратиться в рабов и исчезнуть» (И. А. Ильин).

Историк Сергей Соловьев подсчитал, что с 800 по 1237 годы русские были вынуждены отражать военные нападения примерно раз в четыре года. Хотя это был период относительного

спокойствия и безопасности, ибо Западная Европа ещё не была готова к войнам на Русском Востоке. После кровавого, опустошительного монгольского нашествия в последующие двести лет Русь отражала вторжения в среднем раз в год. Начиная с Куликовской битвы и до конца XIX века Россия была вынуждена воевать в среднем два года из трёх лет. Историк Борис Никольский обобщает причины этих бесчисленных войн: *«До середины XVIII века, пока Россия не вмешивалась в дела Европы (т.е. примерно до Семилетней войны), все русские войны носили характер защиты собственных интересов, разумно и бережно охраняемых. Войн “династических”, “религиозных” или просто от избытка воинственного пыла и стремления господствовать над соседями Россия не знала. Со времени нашествия татар и до Петра Великого России приходилось к тому же думать только об обороне, а когда позже, при Петре, она твердой ногой встала на северо-западе, а на юге достигла Чёрного моря, это было не что иное, как борьба за ворота, за выход из собственного дома и двора».*

«Так развёртывалась в целом русская история – как история обороны, борьбы и жертв», – итожит Иван Ильин. Русские выстояли и сохранились в гибельных условиях. Но какой ценой? Бесконечные нашествия с запада, юга и востока разрушали дотла русские города, разоряли культуру, истребляли и калечили лучшую часть населения, наполняли русскими людьми средиземноморские рынки работорговли. Неисчислимы потери компенсировались невероятной духовной стойкостью русского человека: *«Господь терпел и нам велел»*. Самозащита в этих условиях требовала сильного государства, расширения территорий – присоединения южных степей, бывших источником набегов кочевников. Вместе с тем вытянутость страны по широте, а также сложнейший рельеф границ создавали новые трудности для защиты и неблагоприятные условия для хозяйствования. Получая гораздо меньший прибавочный продукт, русский труженик вынужден был отчуждать гораздо больше, чем в Европе, на государственную защиту.

Выжить в таких условиях позволили наделённые Творцом и природой качества народа, а также **компенсаторные механизмы** в общественно-политической жизни и в национальном характере. Хозяйственные, общественные и государственные традиции в России не похожи на западные не потому, что отсталые, азиатские, рабские, – они позволили самосохраняться в суровейшем «углу» планеты. Многие века уровень урожайности в

сельском хозяйстве (основной хозяйственной отрасли страны) был несоизмерим с затратами труда. При **сверхнапряженном** и угрожающе зыбком образе жизни крестьяне проявляли максимальную осторожность ко всякой новизне в земледельческих технологиях и были привержены к проверенным стародавним традициям. Поэтому *«живучесть архаичных приёмов земледелия была связана не с воображаемой культурной отсталостью крестьян, а с острой жизненной необходимостью»* (Л. В. Милов). Семьи русских крестьян веками существовали на грани выживания: малая урожайности земель, летние заморозки в средней полосе и засухи в черноземье, частые набег кочевников – несли смертельную угрозу, ибо продовольствия едва хватало, чтобы прожить от урожая до урожая. Крестьянская община была не только официальным социальным институтом, но и набором приёмов в борьбе за совместное выживание.

Так, например, феномен «кусотничества» существовал ещё и в XIX веке. Наибольшим жизненным напряжениям и опасностям подвергались прежде всего молодые семьи, в которых два работника должны были содержать детей и престарелых родителей. Поэтому, когда в доме заканчивалась еда, младшие, затем старшие дети, затем старики одевали торбы (тряпичные мешки), и в каждом доме с ними должны были поделиться куском хлеба, если даже это был последний хлеб. Отказ был невозможен, ибо это означало стать изгоем в общине. Если семья не успевала убрать урожай, или теряла жильё от пожара, на помощь выходила вся община, – это означало, что и потерпевшие призваны при случае выйти на помощь другим...

Современные историки, подвергая сравнительному изучению сельскохозяйственный уклад России и Европы обнаружили, что у русских крестьян значительно больший набор хозяйственного инвентаря и приёмов. Оказалось, что чем суровее условия жизни, тем большего количества средств борьбы за существование требуется. Так, например, в Европе не было обнаружено знаменитое русское коромысло, – известно насколько это удобный предмет для несения женщиной двух полных вёдер воды. Но почему у нас воду носят женщины, в то время как в Европе это делают мужчины? Да потому, что летом мужчины изнурительно трудятся в поле, а все заботы по дому падают на женщин, которые должны успевать приготовить мужчинам еду и принести им в поле. За отведённые природой две недели на сенокос мужчины трудились практически без сна, немного «расслаблялись» – до

четырёх часов сна в посевную и при сборе урожая, на которые времени природой отведено намного меньше, чем для европейского крестьянина.

Поэтому «ретроградство» и жёсткость форм русской жизни обусловлены не наклонностями народа, а объективными условиями борьбы за существование: *«В этих условиях единственным рентабельным трудом в земледелии в течение многих столетий был крепостной (почти рабский) труд русских крестьян... Крепостное право в России было не результатом жадности и жестокости царя и помещиков, а своеобразным, хотя и жестоким, компенсационным механизмом выживания российского социума в целом»* (Л. В. Милов). Крепостное право в России распространялось на русские губернии Центральной России, в присоединённых окраинах оно не вводилось, в том числе и из-за благоприятных условий для сельского хозяйства. Русский народ нёс основное бремя обеспечения и защиты государства. С. М. Соловьев видел в крепостном праве *«воплоть отчаяния государства, находящегося в безвыходном экономическом положении»*. Когда позволили условия, крепостное право было отменено верховной властью в 1861 году. За несколько лет до этого в США рабовладение отменили после кровавой Гражданской войны.

Суровая жизнь требовала большей, чем на Западе, роли государства. **Русская государственность – это форма самосохранения народа** в тяжелейших условиях существования. Развитие общественных форм сдерживалось не произвольными посягательствами государства, а тяжестью исторической жизни. *«Постоянные войны тормозили и ограничивали и свободное развёртывание бытия. Государство постоянно требовало от народа жертвенности, предусматривало и рассчитывало свои возможности, переводило жизнь на запасные рельсы, каждого обязывало к его рабочему месту, на каждого возлагало его бремя, от каждого требовало отдачи»* (И. А. Ильин). Жёсткие условия хозяйственной жизни требовали большего, чем в Европе, участия государства в экономике. Самодержавная власть была необходимостью для огромной многонациональной страны: *«Русская монархия делала всё, что могла, для защиты внешней и внутренней свободы России и людей России, – если ей это не всегда удавалось, то виною этому были не цари, а царевубийцы... Русское самодержавие было всегда самым верным стражем русского самоуправления, и русское самоуправление – почти всегда, кроме последних десятилетий, – было верной опорой самодержавия»* (И. А. Солоневич). Потребность страны в сильной централизован-

ной власти – объективна, так же как неизбежно во всяком обществе своекорыстное использование власти. Тирания была закономерным соблазном для самодержавного монарха, воля которого не ограничивалась законом и зависела только от господствовавших религиозных и нравственных норм. Это форма наименьшего зла, что доказывается историей: в России только два верховных правителя превратились в тиранов – Иван Грозный и Пётр I, в то время как в Англии и Франции, развитых в правовом отношении, их было множество. На **минимизацию необходимой платы человеческим слабостям власти** были нацелены русские общественные и государственные формы.

Во имя самосохранения в России приходилось ужесточать некоторые формы общежития: *«Такой меры личной свободы, какую имели США и Англия в начале нынешнего столетия, русский народ не будет иметь **никогда**. Ибо если безопасность США и Англии была гарантирована океанами и проливами, то наша может быть гарантирована только воинской повинностью. Американская свобода, как и американское богатство, определена американской географией – наша свобода и наше богатство **ограничены** русской географией»* (И. А. Солоневич). Для выживания Россия вынуждена была милитаризовать экономику и содержать большую боеспособную армию. Однако русская армия не была захватнической – с европейскими ей приходилось сталкиваться при нападении на Россию. При этом *«учились наши генералы у итальянцев эпохи Возрождения и у поляков эпохи вырождения, у шведов Карла XII и у немцев Фридриха Великого, у Наполеона и у Клаузевица – то есть у опыта всех тех армий, которые были разбиты нашей собственной. Но у нашей собственной – как же было учиться?... Русская армия была самой победоносной армией всей мировой истории – включая в эту историю и Древний Рим»* (И. А. Солоневич).

Борьба за выживание в суровых условиях воспитывала в русском человеке предприимчивость, сообразительность, разносторонний ум и непреклонную волю. За исторически краткий срок русский народ, проявив невиданный динамизм и творческую энергию, цивилизовал огромные пространства – вплоть до Аляски и Русской Калифорнии, территории которых русские цари впоследствии уступили США. Один из примеров русской **цивилизационной пассионарности**: *«В конце восемнадцатого столетия в городе Рыльске Тульской губернии купеческий сын **Григорий Шелехов** почему-то решил, что развитие Дальнего Востока – его долг. Он явился в Иркутск, построил несколько торговых судов и объявил зоной*

российских интересов Алеуты, Аляску, Калифорнию, Гавайи, Филиппины и Индонезию. Свой план, за вычетом Филиппин и Индонезии, он выполнил: российский флаг был установлен на всех указанных территориях» (С. Б. Переслегин).

Объективные жизненные циклы приучили народ к чередованию периодов сверхнапряжения и расслабления. Русский мужик был обязан зимой полёживать на печи и мечтать о замене каторжного труда каким-либо чудом (отсюда, а не из-за «русской лени» сказки про Емелю и «по щучьему велению»), иначе летом у него не хватило бы сил для каторжной работы при сне не более четырёх часов в сутки. **Маятник сверхмобилизации – демобилизации** сказывался и в общенациональном поведении, как механизм выживания при освоении безмерных просторов, защите от бесконечных нашествий и нескончаемых природных бедствиях. Так формировался особый человеческий тип, и так характер народа отразился в облике государства, культуры и цивилизации. Это своеобразие было непонятно для европейцев и трактовалось как «варварство», вызывающее позывы «цивилизовать» русских.

Разноплеменная жизнь в огромной империи была возможна благодаря тому, что русскому **государствообразующему народу** были свойственны соборность, уживчивость, веротерпимость. Многие народы добровольно входили в Российскую империю, присоединялись территории, не имеющие собственной государственности, и только в некоторых случаях завоевывались земли, которые были источником постоянной угрозы для России. При этом русский народ не уничтожил, не поработил, не перекрестил насильственно ни один народ (что совершенно беспрецедентно на фоне колониальной политики западноевропейских народов, истребивших и поработивших коренное население нескольких материков). Русь защитила христианскую цивилизацию от татаро-монгольского нашествия. Россия никогда не совершала экспансии в Европу, со стороны которой ей веками грозила смертельная опасность. Русские войска были и в Берлине, и в Париже, но только при отражении агрессии. «Цивилизованные» французы в 1812 году взрывали русские храмы или устраивали в них конюшни, жгли Московский Кремль, в то время как русские солдаты вели себя в Париже более чем галантно. Победоносные походы русской армии в Европу не заканчивались присоединением каких-либо земель, что было совершенно не принято на Западе. В отношениях с другими народами русские проявляли беспрецедентные нравственные качества.

Таким образом, «тот, кто посмотрит на историю России с высоких идейных позиций, увидит картину **предельного драматического напряжения**: напряжения внешнего – военно-политического, и внутреннего – социального, духовного, нравственного, религиозного... Россия во все эпохи должна была выдерживать своеобразный, **только ей свойственный груз жизненных проблем**, который требовал от народа сил и способностей, развитие и упрочение которых в высшей степени осложнялось самой историей... Создаётся такое впечатление, что ангел-хранитель России больше всего неукоснительно заботился о **закалке народной души путём испытаний** и избегал даже намёка на изнеженность её. Кажется, всё было как бы предусмотрено для того, чтобы генетически, изнутри одарить народ талантами, но зато извне создать для него самые тяжкие жизненные условия, какие только можно представить» (И. А. Ильин).

Невиданным грузом жизненных проблем прежде всего объясняется катастрофичность и противоречивость русской истории, амбивалентность русского характера. Русская национальная душа открыта разнообразным влияниям природы, пространств, народов, культур. Иногда испытания превышали силы народа, отчего приходилось защищаться внутренним самоограничением. В невыносимых перегрузках душа народа сжимается и переливается в иные формы, чтобы затем расшириться по новым пространствам и проявиться в новых культурных формах. Но неизменно самодостаточной остаётся духовная основа **национальной психеи**.

В серии книг «Миссия России» предлагается увидеть историю России как судьбу **единого национального духа**. Жизнь народа, как и человека, преисполнена ошибок и падений, возрождается раскаянием и очищением, она постольку есть, поскольку утверждает себя вопреки всему враждебному. Мы, хотим этого или нет, сознаём или не сознаём, индивидуально воплощаем общенациональный дух – его историю и судьбу. Поэтому к нам имеют непосредственное отношение и частные религиозные споры XV–XVII веков, и Смутное время, и «реформы» Петра I. Ибо мы как народ – одна семья, **единый организм**, живущий из века в век единой жизнью. История Родины – не чуждый нам процесс, а наша **экзистенциальная судьба**, в которой все поколения связаны **единством исторической ответственности**. Прошлое наших предков в религиозном измерении есть и наше прошлое, ибо мы связаны **общей эстафетой смысла жизни, единством общенациональной судьбы**. Всё, совершённое в прошлом,

становится нашим достоянием, и мы отвечаем за него перед предками, потомками и современниками, перед совестью и Богом. Прошлое не позади, а внутри нас, наша история действует и в настоящем – как основание нашей судьбы и выбора грядущего. Человек, лишённый памяти, перестаёт быть вполне разумным человеком, а народ, лишённый исторической памяти, перестаёт быть народом. Таким образом, **понять смысл русской истории означает понять самих себя.**

На изломе тысячелетия мы не можем не искать ответа на вопросы: почему история великой страны привела к невиданной катастрофе начала XX века? В чём причина трагедии нашего Отечества? Закончилась судьба русского народа или можно уповать на новое возрождение? Это вопросы не теоретико-познавательные, но экзистенциальные. Первопричина современных бедствий в том, что мы как народ духовно пали – отказались от Бога, а значит и смысла жизни. Оказавшись в XX веке на дне исторического провала и сохранившись при этом, мы получаем возможность увидеть в прошлом России не только череду заблуждений и пороков, но и образ обновлённой, преображённой России, который русский народ мучительно зарождал в себе, к которому стремился вопреки роковым обстоятельствам и своим грехам. И ныне мы спасёмся, если вспомним, что имеем **обязанности не перед прахом, а перед вечностью.** Человек – житель небес и посланник Божий в миру, и мы ответственны по высшему счёту за земное устройство. Во имя сегодняшнего самосохранения мы должны осознать исторические корни и призвание нашего народа. Только высокие духовные идеалы смогли воспитать в характере народа редкостные черты, которые позволили выжить и сохранить достоинство в труднейших исторических обстоятельствах. Какие идеалы вели русский народ в строительстве своего исторического дома – великой России? В поисках ответа на этот вопрос необходимо углубиться в историю нашего Отечества, окинуть судьбу народа **историософским взглядом.**

О необходимости очищения **исторической памяти** писал Иван Солоневич: *«После великой катастрофы мы стоим перед великим возвращением в свой дом, к своему идеалу. Сейчас он загажен и замazan, заклеен лозунгами и заглушен враньём. Но он существует. Нужно очистить его от лозунгов и плакатов, от иностранных переводов и замороженного вранья, нужно показать его во всей его ясной и светлой простоте. Но не в вымысле “творимой легенды”, а в реальности исторических фактов. Наше будущее мы должны строить исходя из нашего про-*

шлого, а не из наших шпаргалок и программ, утопий и демагогии. Всю политическую работу нашего будущего мы должны начинать совсем с другого конца, чем это делали наши деды и наши отцы, иначе наши дети и внуки придут к тому же, к чему пришли мы: к братским могилам голода и террора, гражданских и мировых войн, к новому периоду первоначального накопления грязи и крови, злобы и ненависти. Нам, прежде всего, нужно знать нашу историю, – а мы её не знали».

Своей жизнью мы вносим собственное слово в священную книгу народов, несём в себе свершившееся, так же как ответственные за выбор будущего. **Единство судьбы народа** ставит перед новыми поколениями те задачи, которые не были решены поколениями предыдущими. Дурную **роковую** зависимость от прошлого можно преодолеть творческим разрешением задач настоящего. Мы, современники, призваны ощутить историю своего Отечества как часть своей личной судьбы, способствовать пробуждению исторической памяти, национального сознания и жизненной энергии русского народа-государствообразователя, созидателя тысячелетней **русской православной цивилизации**. Если же мы уйдем от ответственности, то перекинем эту историческую ношу на плечи наших детей.

В истории действуют роковые силы прошлого, фатальные стихии космоса, исторический хаос и косность. Но вопреки сопротивлению и враждебности исторической материи в ней воплощается **творческое самоопределение** человека и народа. Отказываясь от **богочеловеческого исторического творчества**, народ попадает в рабство безличным историческим стихиям либо впадает в произвол и своеволие, творя зло.

Акцентируя внимание на коллизиях национального духа, определяющих историческую жизнь народа, можно выявить основные вехи **глубинного духовного самоопределения** русского народа: 1) крещение Руси в IX веке; 2) полемика *нестяжателей* и *иосифлян* в конце XV – начале XVI века; 3) духовная революция XIX века – русская классическая литература, музыка, живопись, становление органичной русской философии, реформы Александра II; 4) духовное возрождение XX века, явленное в православном возрождении, в религиозной философии и богословии (русской *неопатристике*), художественной литературе, музыке и науке XX века, возрождении российской государственности. Результаты внутренних борений в национальной душе сказывались на протяжении веков, влияли на все стороны жизни народа.

В серии книг «Миссия России» историософски рассматривается тысячелетняя судьба русского народа как единого национально-государственного организма, имеющего вечную соборную душу и историческое предназначение. В книге описывается **Русская идея** как трансцендентный национальный идеал, который итожит прожитое и ориентирует народ на исполнение исторического назначения. Глава о русском **национальном характере** включает выводы русских философов и писателей, авторское обобщение и анализ. Другие главы посвящены основным **коллизиям**¹ русской истории. Многие явления современности укоренены в далёком прошлом. Выбор Православия – духовное рождение русского народа. Через Православие русское умозрение укоренено в греческой античности больше, чем западный менталитет. Историческое самоопределение и борения в национальной душе выстраивают его судьбу.

Разорение цветущей Киевской Руси и татаро-монгольское иго не могли не сказаться пагубно на характере молодого народа. Огромное историческое напряжение и непрерывная борьба за выживание отозвались болезненными срывами в народной психике. Первый раскол в национальной душе произошёл на рубеже XV–XVI веков в споре монашеских «партий» – иосифлянства и *нестяжательства*. Драматические итоги полемики последователей Иосифа Волоцкого и Нила Сорского отозвались и в тирании Грозного, и в Великой Смуте, и в расколе, и в революции Петра I. Тиранин Пётр I разрушает внутренне ослабленный традиционный церковный и жизненный уклад, формирует новый правящий слой, оторванный от национальной культуры и ориентированный на «иллюзию русского Запада». «Первородный грех» русского дворянства наследует и усугубляет «орден русской интеллигенции» – авангард революционных потрясений, заразивший национальный организм трихинами духовной болезни – **идеоманией**. Духовная революция XIX века – это прорыв русской святости и русской гениальности, направленный на преодоление национальной элиты от национальных истоков – православия, преодоление раскола правящего слоя с народом. Явленное русским духовным гением не было услышано современниками, но эти достижения становятся залогом возрождения России сегодня. Революция 1917 года – это духовная контрреволюция, в результате которой России была навязана власть радикальной боготорческой идеологии – коммунистическая **идеократия**.

¹ Коллизия – столкновение противоположных сил, стремлений, интересов в области человеческих отношений.

Русская **национальная катастрофа XX века** беспрецедентна по масштабам, трагизму, кровавым последствиям, но и по мощи духовного сопротивления мировому злу. XX век обнажил те расколы и противостояния в национальном организме, а также те ополчения на русский дух, которые коренятся в предшествующих веках русской истории. Необходимо обнаружить и проанализировать как исторические мотивы **апостасии** русских образованных слоев, так и сохранение и приумножение в истории спасающих ценностей **русской православной цивилизации**.

В других книгах серии «Миссия России» рассматриваются формы **идейной мании** – духовной болезни человека и народа, причины катастрофы России в начале XX века. Различные этапы предреволюционной и советской истории оказываются периодами заражения смертельной болезнью и борьбы национального организма за выживание. Анализируется **идеократия** как власть сообщества идеологических маньяков. Последние десятилетия XX века характеризуются **агонией идеократии**, но ослабленный национальный организм подвержен новым духовным поветриям и заражениям. Ленинизм, коммунизм, социализм, либерал-большевизм, этатизм, шовинизм, а также атеизм, материализм, позитивизм, постмодернизм, глобализм – оказываются формами духовной болезни-выздоровления общества. В начале нового тысячелетия Россия вновь в точке исторического выбора. Трагедия России и духовные борения XX века наделяют **трагическим оптимизмом** – верой в возрождение нашей многострадальной Родины.

Серия «Миссия России» – не научный трактат, не систематический курс по историософии России, что потребовало бы большего объёма. Некоторые важные вехи в судьбе России только затрагиваются, некоторые оставляются почти без внимания, что не умаляет их значимости. Это скорее заметки по историософии России в традиции русской религиозно-философской и богословской мысли. На всех этапах и во всех событиях русской истории в книге рассматривается прежде всего **диалектика русского национального духа**: его становление, его борьба со злом и косностью, его поражения и достижения.

БОГ И ОТЕЧЕСТВО – ФОРМУЛА РУССКОЙ ИДЕИ

Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация... Народ наш носит в себе органический зачаток идеи, от всего света особливой. Идея же эта заключает в себе такую великую у нас силу, что, конечно, повлияет на всю дальнейшую историю нашу

Ф. М. Достоевский

Мы должны осознать русскую религиозную идею и из неё понять все противоречия России... что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идею

Н. А. Бердяев

Национальные идеалы

Народы имеют духовное назначение, которое определяет их исторический облик и судьбу. Природные условия и уровень культуры оказываются материей воплощения **метафизической интенции** – предельного стремления, духовной ориентации народа и, как всякая материя, налагают печать на форму воплощения духовной задачи. Но в трагедии земной истории формулируется **надысторический идеал** народа – раскрытие духовного содержания его небесного призвания. Идеал народа вбирает в себя лучшее, что о себе помыслил и что из Божиего завета совершил в истории народ. *«Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности... Призвание, или особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа – индивида или нации – и которая открывается сознанию этого существа как его **верховный долг**, – эта идея действует во всех случаях как **реальная мощь**, она определяет во всех случаях бытие морального существа»* (Вл.С. Соловьев).

Содержанием национальной идеи являются не абстрактные или рациональные понятия, но **живые архетипы**², в которых укоренено сознание и подсознание народа; иерархия ценностей, определяющих установки и модели поведения; идеалы, на которые отзывается непосредственное нравственное чувство, которые целостно переживаются, волнуют, задевают за живое всякого человека, считающего себя представителем данного народа. В русской традиции идеал и быт сопряжены, что запечатлено в понятии «чин». Творческая национальная идея *«должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание»*. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чём он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях и законах» (И. А. Ильин).

Национальная творческая идея мобилизует энергетический потенциал народа на исторические свершения. Национальный сверхидеал задаёт целеполагание народу, открывает ему смысл жизни, который выше будничных забот и борьбы за существование, который соединяет с прошлым, оправдывает настоящее и открывает будущее. Национальная идея формулирует общее историческое назначение народа, мобилизуя национальные архетипы, инстинкты самосохранения нации и совершенствуя характер народа. *«Есть идеи невысказанные, бессознательные и только лишь сильно чувствуемые; таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат лишь бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, – до тех пор только и может жить сильнейшею живою жизнью человек. В стремлениях к выяснению себе этих сокрытых идей*

² Архетип – прообраз, первичная форма, образец. По Юнгу, архетипы представляют собой структурные элементы коллективного бессознательного, лежащие в основе всех психических процессов; находящиеся в зародыше возможности всех психических процессов и переживаний; единообразные и регулярно повторяющиеся способы понимания диктуются архетипами; априорные условия понимания и восприятия, которые предшествуют любым схемам логического мышления; трансцендентальная схема или структура, в которой запечатлевается опыт всего народа. В данном случае архетипами называются устойчивые характерные духовные формы, которые народ приобретает в своей исторической судьбе, генотипами же – духовные и природные формы, которые присущи народу с рождения – от Бога или от природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)